

The background of the cover is a dark, swirling blue and teal mist. In the center, a woman with long blonde hair and blue eyes stands with a serene expression. She wears a white long-sleeved gown with a teal capelet and a large, ornate golden belt buckle. In her right hand, she holds a sword with a cross-shaped hilt. Her left hand is open and held out. Above her head is a bright, glowing orb of light, from which several white, ethereal symbols (resembling stylized letters or runes) float. The overall mood is mystical and divine.

Мария Дук

ИЗ ЖИЗНИ
СОСУДОВ

18+

Мария Дук

Из жизни сосудов

«Автор»

2026

Дук М.

Из жизни сосудов / М. Дук — «Автор», 2026

В далеком прошлом боги потеряли свои настоящие тела в катастрофе, и теперь их души вселяются в тела живых людей, их потомков, выбирая себе «сосуд» по своему усмотрению. Но каково это – быть «сосудом» души бога? Чувства, воспоминания и мечты жрицы Наяды и богини Намис прочно переплелись между собой. Богиня Намис ищет своего возлюбленного, а жрица Наяда ищет себя, попадая в неожиданные для них обоих обстоятельства, тогда как их души вместе занимают один «сосуд».

© Дук М., 2026

© Автор, 2026

Мария Дук

Из жизни сосудов

Из жизни сосудов
Дук М.А.

Глава 1. Взрыв

– Когда Богиня избрала нас для продолжения своего покоя, наши предки поклялись служить ей верой и правдой. Одна из вас будет избрана сосудом для души Богини в свое время и получит великий Меч в свои руки вместе с ответственностью за весь наш народ, остальные же будут поклоняться Богине до самой смерти, вместе с охранниками Богини продолжая род ее сосудов и пополняя своими детьми ряды жриц и защитников богини... – Древняя старуха-жрица укладывала спать девочек-жриц, в сотый раз бормоча под нос одну и ту же историю.

В помещении слабо светились лампы, и Наяде было спокойно и уютно засыпать под бормотание старухи. Им рассказывали, что, когда они вырастут, когда будет ясно, кого выберет Богиня своим сосудом, а кто останется служить ей – им покажут мальчиков. Интересно, какие они, эти мальчики... Говорят, жрицы храма Богини рожают их после того, как их и Охранников на два года отпускают в совместное служение Богине, но возвращаются жрицы только с девочками, а мальчики навсегда остаются на половине Охранников.

«Разве я не знаю, какие они? Я же видела их много раз...» - Промелькнуло воспоминание в голове Наяды, и уютная картинка с притушенным светом и бормочущей старухой покачнулась. – «Разве бабушка уже не умерла?» – Промелькнула следующая мысль и картина со звоном рассыпалась на тысячи осколков.

Картина рассыпалась, а звон остался. Этот звон был громче всего, что она когда-либо слышала, и сводил с ума, а на лице было что-то мокрое. Звон был как будто бы материальным, вязким и густым, и, преодолевая этот звон, Наяда с трудом подняла руку и вытерла мокрое из-под носа, попытавшись различить что-то. Зрение было мутным, но даже так она различила свою белую ладонь и что-то красное на ней, а сквозь звон она расслышала каки-то голоса.

– Богиня! Очнитесь, Богиня! – Кто-то кричал, но лишь немногим мог перекричать этот всепоглощающий звон.

– Меч... - Прошептала Наяда одними губами, и тут же с благодарностью обхватила прохладную ребристую рукоять бело-голубого меча. Знакомый, любимый рисунок рукояти радывал ладонь, и звон начал отступать, а кровь, текущая из носа и ушей, запекаясь в волосах – начала возвращаться на свое место. Сила Богини откатывала время тела – своего сосуда – к состоянию, которое Богине нравилось больше всего. Пока Богиня не изберет другой сосуд, или пока Наяда не умрет, Меч будет возвращать ее тело в тот возраст и вид, который устраивает Богиню.

Да, когда-то давно Богиня избрала ее, не давая ей повзрослеть больше, чем нравилось Богине. А ведь прошло больше двух сотен лет... Наяда честно исполняла отведенную ей роль, служа сосудом и символом государства, однако, мало кто знал, насколько реальная воля Богини отличалась от той роли, которую ей приписывали верующие. Смотря на всех, кого она знала, видя, как они взрослеют, стареют и умирают, Наяда понимала, что она не только внешне не может постареть, но и ее сознание Богиня оставляет без развития. Она лишь узнавала больше информации, но не наполнялась мудростью, оставаясь во власти своих эмоциональных порывов. Она это понимала, смотря, иногда на себя со стороны, но не могла с этим ничего поделать: быть сосудом души Богини спустя двести лет было так же невыносимо скучно, как и в первые годы. По крайней мере, любое ранение этот откат времени легко мог вылечить.

Когда зрение улучшилось, Наяда смогла оглянуться. Над ней нависало лицо солдата, полное беспокойство и надежды, и это он подsunул меч, завернутый в ткань, под ее руку.

– Богиня, вы очнулись! – Девичьи руки схватили и посадили ее, приподняв под спину, а солдат отодвинулся подальше, и никаких эмоций уже не читалось на его лице, будто их и не было вовсе, как будто Наяде все привиделось, зато теперь уже сильно взволнованное девичье лицо появилось перед глазами.

«Так... Эта девушка из снабжения, она всегда с грузовиком, доставляющим нам продукты... А солдат? Это из моего почетного караула... Тот, место которого слева сзади...» – определила присутствующих Наяда. Хотя она и не знала их имен, но помнила в лицо всех, кого когда-либо встречала, даже всех верующих, которые приходили к ней просить о благословлении. Может, за ее память Богиня и выбрала ее? Богиня никогда не рассказывала ей об этом.

– Богиня, что же нам теперь делать! – Запричитала девушка, стоило Наяде сесть.

– Что случилось?

– Они взорвали нас! Они...

– Вы ранены? – Перебила причитания девушки Наяда.

– Нет. – Буркнул солдат отворачиваясь.

– Да! – Воскликнула девушка. – Он врет, он ранен, это я нет!

– Покажи раны. – Сказала Наяда, придвигаясь к солдату. – Это приказ. – Добавила она, увидев, как замешкался солдат.

Солдат начал неловко пытаться завернуть штанину, корчась от боли.

– Да в конце концов, хватит геройствовать, разрежь штанину, тебя разве не учили? – Воскликнула Наяда, увидев его попытки.

Девушка из снабжения быстро выхватила ножницы из подсумка солдата и разрежала его штанину, не давая ему опомниться, и охнула, отступая назад. Нога представляла собой жалкое зрелище. Бедро было все извилистое из-за нескольких переломов, а ниже колена сплошное кровавое месиво, вывернутое неестественным образом.

«И как он с такими переломами только мог двигаться? Наверное, шоковое состояние...» – подумала Наяда, придвигаясь к нему с мечом в одной руке и касаясь другой рукой переломанного бедра. Рукоятка меча приятно потеплела, и теплая сила Богини полилась сквозь ее тело, исцеляя израненную ногу солдата. Солдат смотрел в сторону и выглядел при этом недовольным.

– Штанину и зашить можно, подлатать тебя важнее. – Сказала ему Наяда, думая, что он дуется из-за разрезанных штанов, солдат только что-то буркнул в ответ. – Где еще?

– Спина у него вся раненная! – Ответила девушка из снабжения сварливым тоном, смотря на солдата так, будто он получил эти ранения специально, чтобы доставить всем неприятности.

«Эээ, похоже у этих двоих есть какая-то своя собственная история...» – Мысленно вздохнула Наяда, переводя взгляд с возмущенного лица девушки на сердитое лицо солдата. На его плечи был накинута бронежилет, но боковые ремни не были застегнуты, и под бронежилетом была видна содранная спина, покрытая воткнувшимися осколками. Солдат покорно снял бронежилет, явно только что накинутый, чтобы скрыть ранения от нее. Сила Богини опять заструилась из руки Наяды, и она с удовольствием осмотрела итог работы этой силы. Гладкая бронзовая кожа без малейшего повреждения, окровавленные ошметки рубашки, порванной на спине в клочья, теперь будто принадлежали кому-то другому. Наяда не удержалась и провела рукой по теплой, гладкой, бронзовой коже. Какая чистая работа! Сколько бы она ни пользовалась силой Богини, никогда не уставала удивляться. Или это Богиня оставляла ее навсегда в том возрасте, когда она могла удивляться этому? Солдат дернулся от прикосновения и, что-то пробормотав, быстро достал из вещмешка новую рубаху, убрав разорванную рубаху в вещмешок. Наяда оглянулась по сторонам, понимая, что они все еще находятся в помещении ее личного автобуса, только перевернутом вверх ногами.

– А теперь – что произошло? Только кратко и по делу. – Наяда повернулась к девушке, рассудив так, что от бурчащего что-то себе под нос солдата внятного объяснения не дождешься.

– Нас взорвали! Засада на дороге! Сначала взорвали первый автобус, а потом напали! Они думали, наверно, что вы в первом автобусе! А ваш автобус отбросило к обрыву! А этот, – девушка обиженно указала на солдата, – бросился вас спасать и упал вместе с автобусом! А я потом спустилась сама.... - Девушка говорила сбивчиво и эмоционально жестикулировала.

В смутных воспоминаниях Наяды промелькнуло ощущение больших теплых рук, укрывших ее от ударов, которое в ее беспамятстве превратилось в ощущение спальни для девочек-жриц из ее детства.

– Спасибо. – Обратилась она к солдату. – Ты спас меня... По крайней мере, это тело. Если я могу что-то сделать для тебя...

Солдат посмотрел на нее, задержав на секунду взгляд на ее губах, но пробормотал, что ничего не нужно, и это – его работа как гвардейца Богини, после чего опять отвел взгляд.

«Прикосновение рук Богини исцеляет, прикосновение губ Богини исполняет сокровенные желания.» – Вспомнила Наяда легенду, ходившую среди верующих. – «Неужели даже люди из охраны верят в эту чепуху?» – Подумала она, обратив внимание на взгляд солдата. – «Хотя... Я ведь только что лечила его прикосновением рук, почему бы ему не верить в сказку про исполнение всех желаний? Интересно, что же он хотел пожелать, но постеснялся? В любом случае, Богиня не желает исполнять все желания подряд, так что я, скорее всего, смогла бы исполнить только то, что может исполнить обычный человек, но не более». В праздничные дни храм продавал сотнями «платки, запечатлевшие поцелуй Богини», призванные исполнить желания. Даже самые скептически настроенные верующие лишь считали, что сами платки – подделка, но продолжали верить в исполнение всех желаний от прикосновения губ Богини.

– Кто еще выжил? – Спросила Наяда.

– Не знаю, но, наверное, никто! Они потом еще несколько раз взрывали то место! Там даже от дороги одно название! Мне повезло, что я сразу за вами вниз побежала спускаться. – Вдохнула девушка.

– Артиллерийские удары. Это не случайные террористы, это регулярная армия. – Внезапно заговорил солдат. – Не знаю, видели ли они, что ваш автобус упал вниз, но они подошли к делу серьезно, и наверняка будут проверять. Боюсь, если вы, Богиня, быстро не вернетесь домой, то они используют против нашей страны историю о том, что они могут убить даже Богиню.

Наяда устало вздохнула. Их делегация с помпой ехала через малонаселенные земли страны Бон на международную встречу, для того чтобы придать веса их переговорам, официальные лица их государства Намис взяли с собой и ее – религиозный символ, по сути бессмысленный в таких делах. Если она погибнет – душа Богини просто выберет новый сосуд, так что ее собственная ценность была невелика, Меч имел гораздо большую ценность. Но и без Меча новая жрица сможет обращаться к силам Богини, просто не так быстро и не так эффективно. Однако, проблема была в том, что у Богини было свое собственное видение ситуации, и вместо того, чтобы покинуть тело Наяды и выбрать кого-то нового, или, на худой конец, перенести Наяду вместе с Мечом обратно домой, Богиня осталась в ее теле, равнодушно взирая на происходящее, и лишь согласившись исцелить – на исцеление Богиня всегда была согласна, а вот другие чудеса являла исходя из собственных непостижимых обычным людям соображений.

– Как вас зовут?

– Меня зовут Дези, я из снабжения, продуктовый отдел, а этот вот – Рон. – Охотно ответила девушка, а солдат только кивнул и снова отвел взгляд.

– Приятно познакомиться. Меня зовут Наяда, и, не знаю, знаете ли вы это или нет, но я по сути – не сама по себе Богиня, а только сосуд ее души. – Дези с непониманием и подозрением посмотрела на Наяду, а Рон опять лишь кивнул. – Душа Богини находится в моем теле, но мои

собственные способности – человеческие. Поэтому я буду хотеть есть, спать, могу заболеть, пораниться или даже умереть, если только Богине не будет угодно явить свои чудеса.

– Но вы же только что лечили Рона! – Воскликнула Дези.

– Да, Богиня любит лечить и лечить согласна всегда. Однако по поводу возвращения домой – у Богини свои взгляды на этот счет. У богов вообще другая логика и другое ощущение времени и событий. Так что в данном случае – ей все равно. Она не будет являть свои чудеса, чтобы перенести нас обратно, ей все равно, сколько времени займет у нас возвращение, так что придется постараться вернуться назад как можно скорее своими силами. И аргумент, что Бон использует эту историю против Намис, с Богиней, увы, не сработает.

– Что-то подобное я и думал. – Вздыхнул Рон и начал собирать в вещмешок разбросанные по салону предметы.

– Но разве нас не будут искать, чтобы добить? Разве это тоже не волнует Богиню? – С тревогой возразила Дези.

– Пока что не волнует. Может быть потом, когда на нас станут опять нападать, ей не понравится, в каких условиях держат ее сосуд, и тогда она явит свои чудеса, а может быть и нет. Воля Богини неисповедима... Я попробую что-нибудь сделать. – Сказала Наяда, выбираясь из салона перевернутого автобуса.

Вокруг них простирались заросшие зеленым лесом горы. По склону тянулась хорошо просматриваемая полоса, оставленная катившимся автобусом, а наверху горный серпантин был превращен в месиво светло-бежевой земли и металла, местами обломки на дороге горели, а кое-где занимался огнем и зеленый лес. Сколько хватало глаз – во все стороны тянулись эти горы-холмы. Одинаково ровные и треугольные, похожие друг на друга как близнецы, заросшие зеленым лиственным лесом. Впрочем, на соседней горе, в стороне от горной дороги, виднелся водопад, стекавший с горы бурными брызгами и превращающийся в блестящую на солнце ленту реки, уходящую за горизонт. Наяда пригляделась к реке и мысленно обратилась к Богине.

– Есть одна идея. Навряд ли они станут искать выживших на соседней горе, по крайней мере, в первый день. – Сказала Наяда, когда Рон вышел из автобуса с полным вещмешком. – Встаньте за мной и положите руки мне на плечи. Не дергайтесь и не отпускайте руку, когда начнем движение.

Когда парень и девушка положили руки ей на плечи, Наяда взяла меч двумя руками и легко воткнула его в землю перед собой, мысленно обращаясь к Богине. Под ними заколыхалась вода, вода окутала Наяду с ног до головы ровным слоем, но ее спутники лишь немного намочили ноги и кисти рук, которые были на плече у Наяды. Сила Богини сделала их невидимыми и понесла их к соседней горе на водяной платформе, а холодная родниковая вода закручивалась вокруг тела Наяды. Дези вскрикнула от удивления и сжала плечо, которое держала, а рука Рона не дрогнула. Через некоторое время они опустились у водопада и Наяда, устало выдохнув, мысленно поблагодарила Богиню. Величественное церемониальное платье было мокрым насквозь и липло к ногам, прическа распустилась от потоков воды и Наяда являла собой весьма жалкий вид, походя, скорее, на мокрого котенка, а не на Богиню, но ее спутники этого, казалось, не замечали, будучи явно впечатлены их полетом.

– А мы не можем так же полететь домой? Или хотя бы чуть ближе к дому? – С надеждой спросила Дези.

– Нет. Я же говорю, Богине неинтересно лететь домой. Богине захотелось посмотреть на водопад вблизи, поэтому она согласилась перенести нас сюда.

– Так это все только ради водопада... – Разочарованно вздохнула Дези.

– У Богини свои взгляды на мир. Но, по крайней мере, тут нас сегодня искать не будут, поэтому это было и в наших интересах тоже.

– Ты слишком неуважительно относишься к нашей Богине, Дези. – Строго заметил Рон.
– Откуда нам, простым смертным, знать, что правильно, а что – нет? Может, смысл жизни гораздо больше состоит в любовании этим водопадом?

Наяда так не думала. Скорее всего, Богине было просто лень разбираться с их проблемами. Сосуд души для Богини подобен одежде. Ты, конечно, почистишь и зашьешь свою одежду, если она тебе нравится, но не будешь костями ложиться за то, чтобы одежда была в целости и сохранности: в конце концов, это – просто одежда. Наяда устало опустила на бревно, все еще сжимая в руке чуть теплую рукоятку Меча, печально ощущая, что здесь и сейчас это единственная теплая вещь. Дези огрызалась за что-то на Рона, Рон что-то бурчал, перебирая вещи в вещмешке, а Наяду начала бить мелкая дрожь, которую никак не получалось унять. В некоторый момент она почувствовала на себе тяжелый взгляд солдата и подняла глаза.

– Вы промокли, Богиня... Наяда. – Проговорил он. – К сожалению у меня нет сухой одежды кроме той порванной рубахи, но эту я надел совсем недавно, она еще чистая, если согласитесь... – Солдат вдруг смутился под пристальным взглядом Наяды и отвел взгляд. – Давайте мы высушим ваше платье, а вы пока наденете мою рубаху.

Девушка не стала отказываться: солдат снял с себя рубаху, и Наяда ушла с ней за дерево. Тяжелое и холодное, мокрое церемониальное платье с трудом отдиралось от кожи, и она рада была надеть вместо него сухую рубаху. Солдат был не слишком высоким, но все же был значительно крупнее Наяды, и его рубаха сидела на ней как короткое платье, доставая почти до колена. Белье тоже было насквозь мокрым, но его девушка решила не снимать, а высушить на себе, справедливо рассудив, что «богиня», сушащая белье на костре, будет представлять для этих религиозных ребят слишком большой культурный шок. Когда Наяда вернулась, солдат уже разжег огонь и молча подбрасывал в него ветки, Дези что-то недовольно ему говорила, однако при том бросала вполне довольные взгляды на красивый обнаженный торс парня. «Интересно, что все-таки между ними?» – подумала Наяда, глядя на эту картину. Стоило ей появиться, Рон тут же подскочил к ней, взял ее мокрое платье и развесил над костром. Наяда опустила на бревно и стала наблюдать за своими спутниками. Красивое открытое лицо девушки отражало постоянные сильные эмоции: страх, волнение, любопытство, недовольство, удовольствие – все так часто сменялось на нем при разговоре, тогда как парень был полной ее противоположностью. Его лицо казалось скорее суровым, но в целом от его образа оставалось впечатление твердой надежности. От Наяды не укрылось то, как Рон несколько раз украдкой бросал взгляд на ее голые колени, и то, с каким недовольством Дези подмечала эти взгляды.

Вообще, Наяда была достаточно красивой, может, поэтому Богиня не спешила искать себе новый сосуд. Раньше Богиня задерживалась в одном сосуде лишь на несколько десятков лет, но с течением времени все изменилось. Жрицы и Охранники всегда жили единой не очень большой сектой, сильно отделенной от окружающего их человечества, дети их снова становились Жрицами и Охранниками. В конечном итоге, люди начали вырождаться, и в секте просто не осталось достаточно красивых и здоровых девочек, достойных внимания Богини. Скрепя сердце, старейшины разрешили прием в секту людей со стороны, но только мальчиков, потому что возможные сосуды для души Богини должны были содержать в себе кровь первых служителей. Все гвардейцы Наяды, например, были приняты в секту в детстве, а не родились здесь. Тем не менее, пройдет еще немало лет, пока свежая кровь омолодит их секту, тем более что все девочки и девушки секты на данный момент страдали от врожденных болезней и уродств, и Наяда очень сомневалась, что многие из них в принципе смогут родить детей. Наяда разговаривала с Богиней, и Богиня не была против того, чтобы в секту поступали и новые девочки, но старейшин было трудно переубедить, так что Наяда сдалась. Для стариков было принципиально важно сохранение крови, но не для Богини. В принципе, Богиня могла бы вселиться и в кого-то не из секты, если в секте ей никто не понравится, но люди не из секты не будут знать, как правильно служить Богине. С другой стороны, Богиня могла бы вселиться в кого-

то из оставшихся в секте старух и омолодить ее до приемлемого уровня. Возможно, это она и сделает, если Наяда погибнет. Наяда была старше всех старейшин секты, всех их она знала еще детьми, но все равно подчинялась им как младшая старшим, потому что ее сознание не возросло, как и ее тело, и она понимала, что, вероятно, эти старухи сейчас гораздо мудрее ее самой.

Наяда вытянула ноги и задумчиво посмотрела на свои серебристые сандалии на босу ногу, заметив при этом краем глаза и взгляд солдата, остановившийся на ее голых ногах, и недовольный взгляд девушки, направленный на солдата. В такой обуви она далеко не уйдет. Да и платье... Даже в сухом виде – оно совсем бы не соответствовало температуре на улице, плотная рубаша Рона и то была теплее, хотя и не доставала даже до колен.

– Ребята, у вас есть идеи, что нам делать дальше? – Спросила Наяда, переводя взгляд на спутников.

– Я думала, что Богиня придумает, как спасти нас. – Призналась Дези.

– В данный момент Богиня любитесь водопадом, но скоро ей надоест, и можно будет выдвигаться. Но я совершенно не представляю, куда.

– Неужели Богиня даже... – Начала опять Дези.

– Прекрати! Ты слишком неуважительно относишься к Богине! – Возмутился Рон.

– Ой-ой-ой, а ты-то очень уважительно пялишься на нее, да? У тебя глаза вообще постоянно у нее под юбкой, думаешь, я не вижу?

Солдат пробурчал, что это неправда и, покраснев до кончиков ушей, отвернулся от девушек.

– Ребят, я все понимаю, но не могли бы вы прекратить ваши любовные сцены и давайте поговорим нормально о том, что нам делать? – Попыталась привлечь их внимание Наяда, однако от ее слов уже Дези покраснела до кончиков ушей и отвернулась, пробормотав, что нет никаких любовных сцен и вообще никакой любви ни у кого нет.

Жрица возвела глаза к небу, вздохнув, и размышляя, как ей все-таки найти общий язык с ее спутниками, когда Рон, наконец, все же высказался по существу.

– Я вижу ситуацию так. В дальней перспективе нам нужно как можно быстрее вернуть вас, Наяда, обратно вместе со священным мечом, однако по нам била артиллерия, то есть, скорее всего, война между государствами уже началась, а мы без связи в тысяче километров от границы, в бегах, и в вашем автобусе не нашлось ничего, что могло бы нам помочь в выживании в дикой природе, поэтому на данный момент тайное возвращение своим ходом лесами абсолютно исключено. У вас в автобусе я не нашел даже смены одежды и обуви для вас! Уму непостижимо, что они отправили все необходимое в грузовики снабжения и не оставили с вами в автобусе хоть что-то полезное...

– Это как раз нормально. Большинство людей, даже если знают о том, что я – сосуд для Богини, а не сама Богиня, то постоянно об этом забывают, поэтому никто никогда не заботится о том, чтобы обеспечить меня теплой одеждой, едой или местом для сна.

– В таком случае, в краткосрочной перспективе нам остается только одно: искать человеческое жилье. Город или поселок, где мы могли бы остановиться на ночь и купить хоть что-то необходимое. Как связать краткосрочную и долгосрочную перспективу – я пока не придумал. По поводу краткосрочной перспективы – нам нельзя идти по той же дороге вперед или назад, так как это слишком очевидно для тех, кто будет нас искать. Поэтому единственная возможность – удалиться от этого тракта. Согласно карте, есть поселок на другом склоне этой горы, он к нам на данный момент ближе всего, но достаточно далек от этого тракта. Из него мы сможем выйти на другой тракт и отправиться в путь оттуда, если сможем закупиться там всем необходимым, но это, конечно, зависит от новостей об отношениях государств, которые мы сможем узнать, тогда и сможем принять решение. Я думаю, секта в любом случае выберет жрицу, которая будет новой Богиней, независимо от решения самой Богини оставаться с вами,

просто из политических соображений, им нужен символ. Единственное что, даже этот поселок слишком далеко, а ваша обувь...

– Спасибо тебе. За план. – Улыбнулась Наяда. – Значит, поступим так. А с обувью я как-нибудь переживу, что уж поделаться.

– Можно ли мне попробовать помочь вам? Если вы, конечно, не побрезгуете...

– Что ты придумал? – Спросила Дези вместо Наяды, с подозрением посмотрев на Рона, но тот не ответил, а вытащил рваную рубаху из вещмешка и подошел к жрице.

– Вы позволите? – Он присел и протянул руку к ноге Наяды, а когда та кивнула, осторожно снял с нее обувь, намотал на ноги полоски ткани, оторванной от рубахи, и снова надел на нее сандалии. – Так должно быть удобнее идти. – Парень выглядел весьма довольным то ли своим решением, то ли ситуацией, тогда как Дези была явно недовольна.

– Ты это сделал, только чтобы полапать ее ноги! – Заявила девушка.

– Неправда, я сделал это, чтобы она могла нормально идти.

– Так я тебе и поверила! Ты всегда пялишься на Богиню голодными глазами, постоянно! Ты затем и пошел в ее почетный караул, чтобы пялиться на нее, думаешь, я не знаю!

– Неправда! Я пошел не чтобы пялиться!

– А зачем тогда?..

Наяда закатила глаза, слушая очередную перебранку этой парочки. «Разве могут они быть парой? Члены секты могут быть только с другими членами секты, он, как Охранник, член секты, а Дези – из снабжения, она не жрица... Что же их тогда связывает?» - подумала Наяда, поднимаясь на ноги.

– Спасибо, это и правда удобно. – Сказала она солдату.

– Ваше платье высохло, вы можете надеть его. – Рон почтительно протянул ей платье. – Однако... Оно такое тонкое. Лучше вы оставьте рубаху у себя, наденьте сверху...

– А как же ты?

– Да, как же ты? Пойдешь как Тарзан полуголый в деревню? Без рубахи, только одна штанина! Или надеешься покорить там всех своим телом? – Возмутилась Дези.

– Дези права, так ты действительно будешь привлекать лишнее внимание, а нам это не нужно, так что лучше забери рубаху. – Попыталась сгладить очередную ссору Наяда, и ушла за дерево переодеваться.

Платье действительно было очень тонким, и страдать от холода ей предстояло всю дорогу, но Богиня не позволит ее телу умереть или сильно заболеть, это не в ее интересах, поэтому это будут лишь страдания без последствий. Солдат явно был готов отдать во имя Богини все что только можно, но Наяда не желала ему это позволять. По крайней мере, ноги сейчас были в тепле и уже хотя бы это радовало ее. Она вернула парню его рубаху, и он, на секунду замывшись и остановив взгляд на рубахе, все-таки надел ее, смущенно отвернувшись.

– Простите нас, Наяда, мы с ней правда не... Я не знаю. Мы просто друзья, я не знаю почему она...

– Все хорошо, не стоит извиняться.

Глава 2. Начало пути

Уже глубокой ночью, грязные и усталые, они вошли в небольшой городок. На счастье, на улицах не было никого, кто бы мог обратить внимание на их ужасный вид. Рядом в горах были водопады – местный курорт, поэтому они легко отыскивали гостиницу.

– Вы с неба что ли упали? – Неприветливо поинтересовалась заспанная девушка, глядя на неожиданных посетителей.

– Почти. – Улыбнулся Рон. – Гуляли в горах, не планировали оставаться тут на ночь, думали вечером вернуться, но немного упали со скалы. Ничего серьезного, но и приятного

мало. Документы все намочили в реке, теперь менять придется... – Продолжил он дружелюбно. – Нам бы переночевать, а то сейчас все закрыто...

Наяда и Дези стояли в стороне, и молча слушали, как Рон уговаривает девушку. Включив все свое обаяние, он на удивление быстро уговорил ее дать им комнату без документов, хотя та и поворчала, что это не положено, и что они должны со своими промокшими документами идти в полицию. Рон пообещал, что утром они обязательно туда пойдут. Девушка еще немного поговорила с ним о том, что сейчас беспокойно, что она видела черный дым и слышала взрыв, что сейчас вообще не время для туристических прогулок в горах, Рон ответил, что он это теперь и сам понял, просто его двоюродные сестры очень хотели посмотреть на водопады. Девушка заметила на это, что Наяда одета совсем не для пеших прогулок, на что Рон ответил, что его сестра просто никогда не была до этого на природе, и думала, что здесь везде есть дорожки и перила. Так болтая, они дошли до комнаты, когда Наяда и Дези зашли, Рон, прикрыв за ними дверь, еще немного мило поболтал с девушкой-администратором в коридоре, к большому неудовольствию Дези.

– Бегаешь за каждой юбкой! А ты ведь из секты, забыл? Если в секте узнают о твоих похождениях, то тебе не жить! – Возмутилась она, как только Рон зашел.

– Каких еще похождениях? – Устало бросил Рон, снимая со спины вещмешок, и снова превращаясь в угрюмого холодного молодого человека. Наяда же была по-настоящему поражена, как может этот человек преображаться. Только что он был каменной статуей, способной только что-то бурчать под нос, и вот он уже шутит, смеется и флиртует с девушкой-администратором, мягко поддерживая ту за локоть. Может быть, обвинения Дези и не беспочвенны? Но кое в чем Дези права: если в секте решат, что у Охранника есть роман на стороне, то его подвергнут испытанию, которое мало кто проходит живым, а после с позором изгонят, если выживет. Если же роман на стороне будет у Жрицы, то ее просто утопят во славу Богини. Видимо, Рон – очень хороший актер, раз смог попасть в личную гвардию, куда берут только самых безупречных Охранников, которых нельзя даже заподозрить в нарушении правил.

– Тут двуспальная кровать и диванчик! – Заметила Дези. – Я думаю, Богиня достойна спать в одиночестве, а мы с тобой вдвоем на кровати. – Деловито продолжила она, смотря на Рона.

– Этот диванчик слишком жесткий и недостойн Богини. – Возразил Рон.

– Да ты что? – Дези уперла руки в бока, и, чеканя слова, продолжила. – То есть ты хочешь сказать, что диванчик недостойн, а ты достоин спать с Богиней? Я тебя насквозь вижу!

– Да ты!..

– Хватит! – Возмутилась Наяда. – Ребят, мы с вами вместе только один день, и весь этот день вы постоянно ругаетесь! Дези спит со мной на кровати, а Рон на диване. Это мой приказ, как сосуда души Богини. И только посмейте еще поднять эту тему снова!

Наяда взяла немного денег и пошла вниз к девушке-администратору, после чего вернулась с тремя банными халатами, взятыми напрокат. Пока она ходила, Дези и Рон опять успели поссориться.

– Живо мыться и спать! Мы не знаем, что нас ждет дальше, и что нам делать завтра, так что хватит скандалить! – Отрезала она, передав спутникам халаты.

Помывшись, Наяда постирала белье и тайно повесила его на балконе, надеясь, что ее спутники не заметят. Она хоть и была двухсотлетней девушкой, но все же – просто смертной девушкой, но, даже сообщив об этом своим спутникам, она чувствовала себя неудобно, понимая, что они все равно так или иначе видят в ней Богиню. Она не была близка ни с кем из нынешнего поколения Охранников, Жриц и обслуживающего персонала, но так было не всегда. В прошлом, она часто сближалась с людьми, окружавшими ее, правда, в конечном итоге это приносило ей только горечь. Стоило ей опуститься на кровать, и она почувствовала себя

в раю, завершая этот тяжелый и опасный день, и даже ворчание Дези рядом не помешало ей крепко заснуть.

Когда Наяда проснулась утром, она тут же увидела сидящего рядом с кроватью Рона, который стремительно отвел от нее смущенный взгляд, изображая, что он с интересом рассматривает картину на стене. Наяда посильнее запахнула халат, который во сне разошелся, и слишком сильно открыл взору ее ключицы. «Детский сад!» – Усмехнулась про себя она, смотря на нелепую попытку парня изобразить, что он никуда не смотрел. Похоже, за маской угрюмой статуи скрывается довольно страстная натура, и постоянные уколы Дези на тему того, что он готов заглядывать в каждый вырез и под каждую юбку не совсем уж беспочвенны. Как же ему не повезло, что иметь отношения он имеет право только со жрицами, которые в этом поколении все были с физическими уродствами.

Наяду такая ерунда вовсе не волновала. Во-первых, в некоторых обрядах она должна была выступать в гораздо более откровенном виде, и за столько лет она уже привыкла, а во-вторых, она могла быть уверена, что ни один мужчина не представляет для нее угрозы. Что-то, а вот телесную близость Богиня внутри нее действительно по-настоящему не любила, и при малейшем подозрении на такую возможность захватывала тело и решала проблему. Когда-то давно Наяда несколько раз влюблялась в своих охранников, но Богиня была непреклонна, придерживаясь принципа «смотри, но не трогай». Наяда даже была удивлена, что Богиня сейчас разрешила Рону защитит ее собой от падения, или касаться ее ног, когда он обматывал их тряпками. Вероятно, Богиня решила, что в таких прикосновениях нет никакого подтекста, хотя в прошлом она даже ни разу не позволила Наяде ни обнять, ни даже взять за руку тех, в кого та влюблялась.

Переодевшись, Наяда разбудила Дези и отправила ее в город прикупить какой-нибудь неприметной одежды. Потому что, честно говоря, только рабочий комбинезон Дези был более-менее неприметен, хотя и был испачкан землей достаточно сильно. Дези ушла, взяв их не очень большие запасы денег, не забыв перед выходом обругать Рона за что-то. Когда она ушла, Наяда спросила у Рона:

– Что между вами такое? Пока она ушла можешь мне сказать. Я не то, что очень хочу лезть не в свое дело, но и игнорировать ваши дразги тоже не могу, раз уж мы оказались в таком положении.

– Между нами ничего нет, мы просто друзья. Я же из секты. – Добавил он, встретив недоверчивый взгляд Наяды. – Я правда не вру. Знаете, Наяда... Я думаю, что срываться на меня по любому поводу – это ее способ держаться. Все-таки мы чуть не погибли, потеряли вчера людей, с которыми не один день вместе работали, оказались в совершенно неясной ситуации... Она не воин, но она хорошо держится, и, если эти ссоры помогают ей держаться, я не против немного поссориться. По крайней мере, они отвлекают ее от нашего безвыходного положения.

Наяда почувствовала укол совести. Она сама слишком легко приняла факт нападения на них, потому что это было далеко не первое покушение на нее, но для этих ребят все было иначе. Дези вообще была из снабжения и имела обычную нормальную жизнь: у нее наверняка была семья, дом, зарплата, и уж точно никто не готовил ее к кровавым драмам, как та, что произошла вчера. Кроме того, бытовые вопросы для этих ребят были более актуальны: если Наяда начнет умирать от холода и голода, то Богиня просто обругает ее и оживит, но для ее спутников смерть вполне вероятно окажется смертью.

– Ты неплохо умеешь менять стиль общения... – Заметила Наяда, вспомнив, как Рон весело смеялся и флиртовал с девушкой вечером.

– Это было основой выживания... Наяда, вы совсем не помните меня?.. – Спросил он с тайной надеждой в голосе.

Конечно, Наяда помнила его, но совсем не хотела говорить об этом. Она прекрасно запоминала лица людей, поэтому, когда ей в охрану поставили нового человека, она без труда

узнала в нем ребенка, которого сама притащила в секту после одного из наиболее удачных покушений на нее.

– К чему ты это вспомнил? – Хмуρο отозвалась Наяда.

– Извините... Просто в Секте Грома выживание основывалось на лжи и силе.

Наяда почувствовала опять, как где-то в ее душе заклокотала свинцово-серая вода. Богиня терпеть не могла даже упоминание о Секте Грома, и сама Наяда была солидарна с ней после пережитых там ужасов. Однако, этот ребенок родился там и выживал там своими силами, пока не попался Наяде. Возможно, поэтому он так легко перенес недавний страшный перелом и даже не пикнул? Его с детства приучили к боли... Ну, теперь-то все позади, он взрослый и служит в Секте Воды. Самое страшное, что его тут ожидает – это уродливые жрицы. И все же Наяда непроизвольно преисполнилась жалостью, вспомнив, в каком виде она нашла этого ребенка с яркими, полными надежды глазами.

Вскоре Дези вернулась с покупками. Несмотря на то, что денег у них было не очень много, она смогла купить всем троим и одежду, и обувь, и немного еды и полезных мелочей, и даже рюкзак, одеяло и два коврика для пикника, при этом точно угадав с размерами и сэкономив достаточную сумму денег.

Стоило им переодеться, поесть и выйти за двери своего номера, как Рон опять превратился из каменной статуи в веселого балагура, который заговорил зубы смущенно улыбающейся девочке-администратору, после чего так же легко и просто заговорил зубы женщине-гиду у туристического автобуса, отправляющегося в большой город Нокс. Наяда не уставала поражаться, как легко этот молодой человек втирался в доверие к людям, особенно, к женщинам. В автобусе были свободные места, и за небольшую плату и очень оживленную беседу он обеспечил их проезд дальше. Женщина-гид таяла от его комплиментов, старушки, приехавшие автобусом вчера смотреть водопады, наперебой рассказывали ему свои воспоминания и ценные истории из жизни, и он не забывал всех их одаривать своим вниманием и обаянием. «Какой замечательный молодой человек!» – вздыхали женщины в автобусе. «Что-то мне подсказывает, что когда-то перед Дези этот прохвост представал в таком же виде, пытаясь выведать побольше новостей о жизни за пределами секты!» – Мысленно заметила для себя Наяда. Теперь она легко могла видеть, как эта каменная статуя умела покорять сердца женщин, и легко могла представить, как он завладел сердцем Дези. Нехорошо это, некрасиво так играть с чувствами людей... Но она не собиралась ему это говорить: все-таки он, не думая о своей безопасности, прыгнул за ней в падающий с обрыва автобус и защитил ее своим телом от большей части травм.

– Я смотрю, у тебя-то выправка военная, внучок! А вот мой внук – совсем служить не хочет! Я уж ему говорю-говорю, что эти подлые твари из Намиса вот-вот нападут! Вон вчера что они устроили, ты совсем не слышал, милоч? Подорвали сами свой кортеж со своей так называемой богиней, и теперь обвинят нас! Как пить дать, обвинят! – Сказала одна из старушек.

Наяда напряглась и поправила меч за спиной, завернутый в защитную ткань. Навряд ли она смогла бы поддерживать такой разговор, не вызывая подозрения, однако на лице Рона и мускул не дрогнул.

– Правда? А для чего они взорвали свою богиню? – Заинтересованно нагнулся он к старушке.

– Ясное дело, чтобы нас обвинить! – Фыркнула та.

– А разве богиня им совсем не нужна? Они же могли подорвать кого угодно?

– Кому нужна Богиня Воды, скажешь тоже! – Всплеснула руками старушка. – Даже в войне богов она была бесполезна. Она умеет только лечить, она не способна даже атаковать! Кроме того, говорят... – Старушка чуть наклонилась вперед и понизила голос. – Говорят, что на самом деле в войне богов она защищала этого предателя, Бога Грома. Она сама предала

Пантеон богов, понимаешь? Доказательств ни у кого не было, и все же только последние идиоты станут под знамя этой предательницы. Намисовцам давно бы стоило избавиться от нее, чтобы не вызвать гнев других богов. А тут такая возможность! Они и от этой подлой твари избавились, и нас подставили, понимаешь?

Наяда почувствовала подступающую к горлу воду: Богиня была в ярости. А когда Богиня в ярости – Наяде приходится переживать утопление снова и снова. Она прижала руки ко рту и бросилась к выходу из автобуса.

– Ох! Твоей кухне, похоже, плохо! – С беспокойством заметила одна из женщин.

Водитель остановил автобус, и Наяда вывалилась на пыльную обочину, кашляя и выплевывая из легких соленую морскую воду.

– Ох, девочка, ты бы раньше сказала, что тебя укачало, у меня есть мятные жвачки! – Сказала одна из женщин.

Дези и Рон вытащили их вещи из автобуса.

– Вы езжайте, езжайте, не беспокойтесь. Мы немного тут побудем, а когда ей полегчает, мы просто попутку поймем, не волнуйтесь. – Уговаривал Рон женщин из автобуса, пожимая их руки, тянущиеся к нему, пока Наяда, не прекращая, продолжала выкашливать морскую воду.

Наконец, автобус с женщинами уехал, и они остались на обочине одни, после чего Наяда перестала задыхаться и устало села на колени.

– Наяда, как вы? – Обеспокоенно спросил Рон, уже совсем не напоминавший веселого балагура из автобуса.

– Богине эти старушки не понравились. – Невесело усмехнулась Наяда.

– Зато Рону, я смотрю, они очень понравились! – С вызовом заявила Дези, уперев руки в бока. – Он даже старух готов лапать!

Наяда почувствовала теплую ладонь у себя на плече.

– Я могу вам чем-нибудь помочь? – Спросил Рон у нее, игнорируя замечания Дези.

Жрица с удивлением посмотрела на солдата: Богиня опять позволила ему дотронуться до своего сосуда души, и не то что бы не захватила тело, чтобы прогнать его, даже не наполнила легкие водой от ярости. Солдат понял ее взгляд иначе и смущенно убрал руку.

– Извините, не хотел быть фамильярным...

– Богиня не переносит разговоры про Бога Грома, и в лучшем случае наказывает за них только меня, а в худшем – всех окружающих. Нам очень повезло, что она сдержалась. Если бы она сильно разозлилась, все в автобусе были бы утоплены, и вы в том числе, поэтому прошу: ни слова об этом боге при ней... – Ответила жрица, все еще тяжело дыша.

Богиня Воды была одним из самых младших богов Пантеона, она действительно была намного слабее других богов, но гораздо сильнее любого человека. В отличие от других богов, находившихся в почти постоянной спячке, она часто проявляла свое присутствие в этом мире, поэтому неудивительно, что образовалось целое государство, основанное на вере в нее: эти люди могли регулярно видеть подтверждение силы своей богини. Богиня любила лечить, и секта постоянно проводила встречи богини с верующими, ищущими исцеления, люди же, получившие чудесное исцеление, оставались верны богине. Другие боги организовали свои культы в других государствах, их души просто передавались от сосуда к сосуду, и они редко являли людям свои чудеса. Поклонники остальных богов считали повышенную активность Богини Воды недостойной. Боги должны являть свои чудеса по важным причинам, а не при каждом удобном случае, так они считали. Когда-то давно Пантеон победил в битве с демонами, даже несмотря на предательство одного высшего бога, и с тех пор боги отдыхали в телах людей. Наяде часто снились сны про ту битву, это была память Богини, и в этих снах она чувствовала весь ужас и отчаяние юной Богини Воды. Богиня, кажущаяся своим поклонникам всемогущей, была в той битве беспомощнее слепого котенка. Бог Грома, огромный и прекрасный, лишь

глянул на нее извиняющимся добрым взглядом... А потом ударил древком копья в висок. И на этом участие Богини Воды в битве закончилось. После каждого такого сна Наяда захлебывалась соленой водой, которую щедро производила рассерженная богиня, и могла лишь мечтать о том, чтобы она пореже вспоминала прошлое.

Наяда с трудом поднялась на ноги и огляделась.

– Может, даже и неплохо, что мы вышли из автобуса на подъезде к городу, так мы не попадем ни в чье поле зрения, и нас будет сложнее отследить. – Заметил Рон, вытаскивая карту.

Нокс был единственным крупным городом в этой гористой местности, большинство крупных городов Бона располагались в равнинной части. Государства Бон и Намис разделяли горы, хоть и не очень высокие, но было маловероятно, что они смогут пересечь их вне дороги. Кроме того, у них не было документов. Хотя если уже началась война, то они даже с документами не смогли бы пересечь границу. Бон и Намис имели частые стычки на религиозной почве, но с обоими государствами граничила страна Таурун, страна Бога Камня, сохранявшая нейтралитет как в мелких стычках, так и в крупных войнах. Официально Таурун не позволял посещать свою территорию жителям других государств, и при обнаружении незаконного пересечения границы – немедленно выдворял нарушителей обратно. А это означает, что, если они смогут перейти из Бона в Таурун, то Таурун поможет им вернуться домой, соответственно их гражданству Намиса.

– Предлагаю воспользоваться объездной. – Сказал Рон, указывая на карту. – Немного пройдемся, а там начнем автостопить.

Рон и Дези шли вместе впереди, а Наяда плелась сзади, с интересом рассматривая своих спутников. Дези была во всех смыслах прекрасна: роскошные каштановые волосы, пушистые ресницы, открытое эмоциональное лицо, блестящие глаза, легкая летящая походка, примечательные формы... Единственное, что ее портило, это то, что она постоянно ругалась. Огрызалась и срывалась на Рона за каждую мелочь, постоянно обвиняла его в том, какой он бабник, как он не пропускает ни одной юбки, чем напоминала скорее старую сварливую жену, чем молодую девушку невероятной красоты. Рон тоже был достаточно красив, хотя скорее привлекательнее было тело, а не лицо. Широкие плечи, четко очерченные мускулы, мягкая пружинящая походка, напоминающая крадущегося хищника. Будь Наяда на месте Дези, она бы не стала злить этого хищника. Не то что бы в нем ощущалась опасность, но достаточная сила, чтобы постоять за себя и за свою честь. Наяда в очередной раз пожалела, что когда-то поддавалась минутному порыву и притащила в секту этого ребенка: теперь его жизнь полна ограничений... Хотя, откуда ей знать, как бы сложилась его жизнь в детском доме? Детдомовцы все идут в регулярную армию на всю жизнь, и девочки и мальчики. Да, в мирное время военные живут обычной жизнью, но сейчас опять война... Дети из Секты Грома, отправленные тогда в детский дом, сейчас как раз в самом расцвете сил, и это они сейчас будут погибать. Наяда не все помнила из тех событий, но хорошо помнила, каким тяжелым был этот ребенок, вцепившийся в нее мертвой хваткой, и отказывающийся покидать ее. Она ведь тогда даже не стала узнавать его имя, передав его старшим жрицам при первой же возможности, а он поклялся, что никогда ее не оставит. И, выходит, сдержал обещание, став ее гвардейцем. И ни минуты не раздумывал, упав в пропасть вместе с ее автобусом... Казалось бы, чего стоят клятвы маленького ребенка? Но это оказалось не про него. Наяда поежилась от неприятных воспоминаний о секте Бога Грома.

Они дошли до выбранной трассы и дальше перед глазами Наяды замелькали автомобили и водители, которые слились в памяти в единый поток лиц. Рон легко договаривался, чтобы их подбросили куда-то, но делал достаточно маленькие перегоны, постоянно меняя автомобили и рассказываемые истории. В начале Дези было попыталась поскандальить с Роном о том, кто из них где сядет, но быстро сдалась перед образом дружелюбного балагура, который он снова надел на себя, и который так не был похож на холодную статую, которой он был, когда они

были наедине. Они садились на заднее сиденье, Рон садился посередине, и, наклонившись вперед в сторону водителя, постоянно о чем-то беседовал так, что девушки за весь день и слова не сказали. Он с легкостью подстраивался под собеседника, с некоторыми был более сдержанным, с другими – более развязным. То он вместе с водителем ругал правительство Бона, то вместе с водителем громко ненавидел всех намисовцев, то обсуждал на ходу придуманную личную жизнь и отпускал похабные шуточки, то с серьезным видом поддерживал околофилософскую беседу. Ни одному водителю он не говорил точно, куда они едут, указывая лишь ближайший населенный пункт, ни в одном автомобиле они не задерживались дольше, чем на полчаса. Наяда с интересом рассматривала все время изменяющееся от автомобиля к автомобилю лицо спутника, расположенное чуть впереди, и все время чуть отвернувшееся от нее. «Интересно! А ведь он, как задний левый гвардеец, обычно видит меня как раз с такого ракурса...» – подумала Наяда. С самого завтрака они ничего не ели и не пили, но жрица побаивалась сказать спутникам о своих потребностях, ведь те не жаловались и безропотно продолжали эту гонку.

Уже был поздний вечер, и это был десятый или одиннадцатый по счету автомобиль. Рон, как раньше, склонившись вперед, тихо обсуждал с водителем рассаду: какие растения растут, какие лучше в теплицу, какие прикормки использовать. Откуда он вообще такое знает? Наяда ощущала теплое колено, прижатое к ней. Богиня была удивительно мирная в эти два дня: Наяда и забыла, когда до этого в последний раз та разрешала другим людям так часто касаться ее. Было в этом что-то до невозможности приятное. Она чуть привалилась к теплому боку парня и закрыла глаза. Когда-то в детстве она так же забиралась к бабушке, и сидела у нее под боком, ощущая ее доброе и ласковое тепло, слушая ее бормотание про устройство мира и про войну Пантеона с Адом, в результате которой из осколков тел богов и демонов, смешавшихся друг с другом, так, что не разделить, появилось человечество. Души богов, лишенные тел, с тех пор дремали в выбранных ими сосудах. А что стало с душами демонов? Кто знает... Рон говорил что-то про огурцы, и голос его чуть дрогнул, когда сонная Наяда поудобнее уткнулась лицом в его плечо. Темно и тепло, и бабушка как будто еще жива... Наяда не заметила, как провалилась в сон.

Перед ее взором был огромный и прекрасный Бог Грома. Он был красивее любого мужчины, которого она могла себе представить, а она... Она была лишь юной младшей Богиней Воды. Наяда ощущала всю горечь богини, которая рвалась из ее души. «Нет, нет! Не уходи! Не делай этого! Тебя не простят и навечно заклеят предателем!». Лишь теплая, добрая и грустная улыбка была ей ответом. «Какое мне до того дело, если моя душа все равно скорее всего никогда не очнется ото сна?» – этот голос был самым красивым мужским голосом, который она когда-либо слышала, и он вот-вот просто исчезнет навсегда, если она ничего не делает. Наяда, бывшая сейчас Богиней, видела апокалипсис, разворачивающийся перед ней, чувствовала слезы Богини, текущие по ее щекам и неизбежную горечь, от которой нельзя было укрыться. «Если ты сейчас это сделаешь, я тоже тебя никогда не прощу! Слышишь меня? Я буду ненавидеть тебя до конца своих дней!» – всхлипнула богиня. Жалкая манипуляция! Разве купится высший бог, уже принявший решение о своей жизни и смерти, на такую жалкую манипуляцию? «Спасибо, Намис. Если ты будешь ненавидеть меня до конца своих дней, значит, будешь помнить до конца своих дней. О большем я бы не смел и просить». Теплая, прекрасная, добрая, но извиняющаяся улыбка. Древко копья. Удар в висок. Темнота.

Наяда проснулась, все еще ощущая глубину горя Богини из-за предательства того бога. Все ее лицо было мокрым от слез, и мокрым от ее слез было плечо Рона, в которое она утыкалась, а в глубине легких уже начинала klokотать свинцово-темная соленая вода. Наяда сильнее уткнулась в теплое плечо, пытаясь унять обиду Богини и обуздать свинцовую дикую воду. Хорошо, что буквально через несколько минут они вышли из машины и снова оказались на пыльной холодной ночной трассе. Куда-то в лес вела грунтовая дорога, а над ней висели поко-

сившиеся указатели. Какие-то загородные летние домики виднелись сквозь деревья, и в окнах домиков было так же темно, как и на трассе: середина рабочей недели, люди все в городах...

– Наяда, как я могу вам помочь? – Неуверенно спросил Рон, с лица которого уже сползли все краски поддельных личностей, оставив лишь холодную статую с небольшими нотками еле заметных эмоций.

– Опять шары к богине подкатываешь? – Сварливо заметила Дези.

Наяда лишь молча помотала головой, украдкой утирая слезы. Навряд ли удалось скрыть их от Рона, все-таки он не мог не заметить мокрого плеча.

– Богиня **ОЧЕНЬ** не любит воспоминания о Боге Грома. Я ничего не могу с этим поделать. – Вздохнула Наяда в ответ на продолжающийся тяжелый и обеспокоенный взгляд парня, Рон немного помялся рядом, пытаясь что-то сказать, но, все же промолчал.

– Сегодня ночью идем нарушать закон. Ночевать будем в одном из пустующих домиков. – Объявил он, наконец.

– А если хозяева все же приедут, что будем делать? – Спросила обеспокоенно Дези.

– Бежать. – Пожал плечами Рон и зашагал в сторону темных строений.

Они выбрали самый дальний домик у реки, подъезд к которому зарос травой, а ворота покосились. Хозяева явно нечасто посещали его, если вообще посещали. Кроме того, в ближайших к нему домах тоже никого не было, так что была надежда, что никакие соседи их не заметят и не запомнят. Рон разбил стекло и залез в кухню. Как оказалось, дверь изнутри тоже не открывалась, так что девушки залезли через окно вслед за ним. В доме было пыльно и душно, внутреннее убранство было таким знакомым «старушечьим», что не верилось, что они сейчас в другой стране. Видимо, старушки интернациональны, и во всем мире одинаково обставляют дома. Жившая тут когда-то старушка уже, наверное, лет десять как перестала бывать в этом домике. В обоях и покрывалах и скатертях преобладали рисунки цветов. Не маленькие и легенькие цветочки, а большие и тяжелые, пионы и распутившиеся розы, малиновые, пурпурные и темно-розовые, с золотыми листьями и коричневато-бежевым фоном. Кисточки на скатертях и шторах, пыльные вязанные подушки и коврики неопределенного цвета, то ли бордового, то ли коричневого, то ли темно-пурпурного. Домик был маленький, и в наличии была только одна широкая кровать с двумя подушками, поставленными углом. Больше лечь было решительно негде, разве что на полу под столом. Стоило Дези взглянуть на кровать, как она тут же повернулась к Рону, планируя начать скандал, однако, как только она открыла рот, он тут же ее оборвал:

– Как скажет Наяда, так и делаем. – И два вопросительных взора тут же упали на жрицу.

– Мы прекрасно поместимся на этой кровати все, раз помещались на заднем сиденье машины, незачем кого-то выгонять на пол. Богине вы, похоже, пришлось по душе, раз она не возмущалась сегодня весь день из-за вашего присутствия, так что, надеюсь, и ночью она потерпит.

Наяда немного кривила душой: ей очень хотелось почувствовать рядом этих двоих ребят. Богиня лишь иногда допускала прикосновения к ней других людей, случалось это крайне редко, и каждый такой раз запоминался Наяде надолго. По какому принципу богиня разрешала или запрещала прикосновения, Наяда так и не поняла, но человеку нужен человек, и будучи человеком, она из года в год чувствовала себя безмерно одинокой, живя за этой воображаемой стеной. Сначала она мечтала о дне, когда Богиня выберет кого-то еще, потом не могла дожидаться дня, потом не мечтала об этом... А потом сдалась. От Богини невозможно было сбежать, не было никакой возможности даже покончить с собой. Наяда была заперта в своем одиночестве. А эти два дня стали чудом: пусть эти ребята ссорятся круглые сутки, но Богиня разрешает им быть рядом – это ли не чудо? Даже неожиданно нахлынувшие воспоминания Богини о Боге Грома не сильно портили Наяде жизнь.

Ребята, переругиваясь, достали еду, вскипятили воду и довольно быстро накрыли на стол. Наяда только задумчиво смотрела на этот контраст: как дружно и здорово они работают вместе и как отвратительно ругаются. Несмотря на голод, Наяда отказалась от еды: для нее, сосуда души Богини, голод был хоть и мучителен, но абсолютно не критичен: Богиня не даст ей умереть, не даст даже исхудать, а для ее спутников запасы еды гораздо важнее. Жрица лишь попила чая и собралась спать. Перед сном ее спутники опять поскандалили о том, в каком порядке они будут лежать на кровати. Дези придумывала любые причины, почему Рон не должен оказаться рядом с Наядой, а Рон на удивление настойчиво приводил аргументы, почему как раз именно он должен быть рядом со жрицей. Наконец, Наяде это надоело, и она встала на сторону Дези, положив ее по середине, а сама легла к стене. Ребята еще долго возились, вертели, толкались и шепотом ругались, а Наяда тихо наслаждалась возможностью просто побыть рядом с живыми людьми. Через некоторое время Дези, наконец, заснула, а к Наяде никак не шел сон. То ли из-за голода, то ли из-за того, что она поспала в машине, но она все не могла отделаться от воспоминаний о Боге Грома, таком прекрасном, какого она никогда не встретит среди людей... Где-то за окном пела ночная птица, и слышался шум реки... Душа Богини внутри Наяды как будто тихо пела грустную песню, повторяющую песню птицы и реки, а может, самой жизни, и Наяда тихо вылезла из окна и пошла к реке на звук этой песни.

Темная река быстро катила свои воды под луной, звезды ярко светили и прохладный ночной ветер играл в верхушках темных деревьев. Мир был одновременно пустым и безлюдным, но и как будто наполненным чем-то особенным, какой-то тайной, известной только ей. Наяда сбросила одежду и в одном белье погрузилась в реку. Сквозь темную воду из глубины можно было различить луну, чуть отливающую оранжевым, а вода над ее головой была густо-зеленого, даже изумрудного цвета. Наяда почувствовала прикосновение к чему-то великому и таинственному, и вынырнула на поверхность черной воды, разбив отражение луны на тысячи осколков. В душе нарастала какая-то тихая радость, и чувство полноты жизни. Наяда еще немного поныряла в быструю темную воду, наслаждаясь прикосновением водорослей и нерасторопных рыбок к коже, что-то было в этой воде... Как она могла забыть, что вода – это жизнь, поэтому именно Богиня Воды способна лечить любые болезни. Что бы ни говорили люди о том, что она – младшая богиня, что она почти что тоже предательница Пантеона, что она осталась в Пантеоне только потому, что не нашлось доказательств ее преступления... Наяда точно знала, нет бога лучше ее Богини. Потому что она держит в своих руках самую жизнь. Потому что сейчас в этой воде тысячи живых существ движутся навстречу времени. Наяда плескалась, ныряла, играла в реке, чувствуя себя русалкой, полностью отпустив себя на волю и тут заметила какое-то движение на берегу.

– Я не смотрел! Простите, Наяда! – Рон тут же отвернулся.

– Я же не голая, так что смотри сколько хочешь. А даже если бы и была голая, какая разница?

– Что вы такое говорите... – Смутился Рон, бросая на нее взгляд.

– Ты просто недавно в моей гвардии. Некоторые ритуалы я должна проводить без одежды. А моих гвардейцев никто не отменял, они присутствуют при всех ритуалах, так что ты тоже со временем привыкнешь.

Наяда вылезла из реки и села рядом с Роном на покрытую росой траву. Парень немного помялся и все-таки сел рядом.

– По поводу ритуалов без одежды... Это Богиня хочет, чтоб было так? – Неуверенно спросил Рон.

– Нет конечно. Богине все равно. Этого хотят люди.

– И вы на это соглашаетесь? Почему? – Возмущенно спросил парень.

– Соглашаюсь. Какая разница? Я тебя еще больше озадачу: все ритуалы и свистопляски – они придуманы людьми и для людей, Богине не важно, будут ли ее Охранники иметь романы

вне секты, будут ли люди праздновать День Чистоты, будут ли Жрицы всю жизнь верны учению Богини...

– А чего тогда хочет Богиня?

– Богиня? Хочет, чтобы ее сосуд души оставался молодым, красивым и наивным, хочет смотреть на воду и плескаться в воде почаще, хочет лечить людей, хочет не иметь никаких дел с другими богами Пантеона, хочет, чтобы люди лишний раз не касались ее сосуда души, и хочет, чтобы люди пореже вспоминали и напоминали ей о столкновении с демонами, в котором боги потеряли свои тела. Так что, как ты можешь понять, когда празднуется День Победы Над Адом, Богиня очень не в духе и сильно скандалит, наказывая меня разными неприятными способами за то, что я опять напомнила ей о прошлом. Она **ОЧЕНЬ** не любит вспоминать...

– Ну а вы сами, Наяда? Чего вы хотите?

– В каком смысле?

– Просто, в любом. Есть на этом свете что-то, чего бы вы хотели?

– Даже если и есть, моя жизнь навеки подчинена Богине, я по собственной воле даже умереть не могу. – Пожала плечами Наяда.

– Если появится что-то, чего хотите именно вы, то я буду рядом, чтобы исполнить. – Тихо сказал парень, смотря в сторону.

– О чем ты?

– Я обещал, что всегда буду рядом с вами. Обещал и сдержу обещание. – Еще тише сказал он.

– Ты про то, как я тебя вылечила в Секте Грома? Брось, ты ничего мне не должен! Я всего лишь воспользовалась силой Богини, потому что это то, что ей нравится делать. И в секте ты был не один. Тебе не нужно подчинять свою жизнь какому-то вымышленному долгу, да, я спасла тебе жизнь, но я много кому спасла жизнь и для меня все это так же естественно, как дышать, а главное, ничего для меня не стоит.

– Зато для меня это стоит многого. Я пообещал быть рядом с вами, и я имел в виду именно вас, а не Богиню. И даже если весь мир обернется против вас, я все равно буду стоять рядом с вами, чтобы принять на себя удар этого мира.

– Что ты такое говоришь? Ты же обычный человек, без суперсил! Если нам будет угрожать опасность, я, как сосуд души Богини, приму на себя удар, меня она все равно вылечит, так что не важно.

– Вы сегодня отказались от еды, Наяда. Почему? Не потому ли, что решили, что с силами Богини вы можете и потерпеть, а нам еда нужнее? Вы говорите, что примете на себя удар в случае опасности. Но разве вы не чувствуете боль? Разве не чувствуете голод? Усталость, грусть? Почему наше государство устроено так, что самый главный человек в стране вынужден постоянно страдать, потому что кому-то кажется, что так правильнее? Разве вам нравится проводить ритуалы без одежды, разве нравится ездить в холодном автобусе, без еды, теплой одежды и обуви, зато в окружении побрякушек культа Богини? Вы слишком мало цените себя, Наяда, поэтому в этом мире необходим человек, который будет ценить вас вместо вас. И да, вчера вам не нужно было представляться мне, я знаю ваше имя, хотя вы и не знали моего. – Рон сунул ей в руки пирожок с яблоком с ужина и быстрым шагом ушел в сторону дома.

Наяда покрутила в руках пирожок и с большим удовольствием съела. Голод и правда удивительно мучительное ощущение, не дающее сконцентрироваться. А в секте ее постоянно забывали кормить. Бывало, она вынуждена была сутки или двое принимать посетителей без перерыва, изображая неземную сущность, и ее за несколько дней до таких приемов переставали кормить и поить, чтобы она не дай бог не запросилась в туалет. Чтобы она не засыпала, зал и полог ее постамента окуривали бодрящими благовониями, от которых мучительно болела голова... Но что ей оставалось? Она пленница души Богини. Ей не дадут сбежать из секты, а Богиня не даст ей закончить свою жизнь. Если страданий не избежать – остается только сми-

риться. Этот парень еще совсем недавно в гвардии и еще плохо представляет жизнь Наяды. Взрыв и чужая страна – это сущий пустяк, даже наоборот, счастливое приключение с новыми местами, друзьями рядом и без обязанностей Богини.

Наяда сняла мокрое белье и надела церемониальное платье на голое тело. Что ж, будет теперь ночной рубашкой! Прекрасная идея! Где ей еще сейчас его использовать? Через некоторое время она вернулась в дом и встретила глазами с Роном, угрюмо сидевшим за столом.

– Простите, Наяда, я видимо, позволил себе лишнего...

– Ой, не начинай. Пошли спать. – Отрезала жрица, не дав ему продолжить.

Они подошли к кровати и в нерешительности остановились. Дези раскинула руки и ни с одной ни с другой стороны от нее, очевидно, лечь было невозможно. Бросив на Наяду короткий взгляд, Рон решительно подошел к кровати и быстро сдвинул Дези к самой стенке, но та от этого даже не проснулась.

– Ложитесь посередине, Наяда, а я буду с краю.

– Если утром ты окажешься не рядом с ней, а рядом со мной, она устроит скандал. – Усмехнулась Наяда.

– Какое мне до того дело? Мы с ней просто друзья, и она не имеет никакого права постоянно требовать от меня чего-то.

– Но ведь ты ее и не останавливаешь в этом? Ложись посередине сам, я лягу с краю.

Когда они легли, Наяда быстро задремала, и сквозь сон уже почувствовала легкие и неуверенные теплые объятия. Этот мальчишка с возрастом научился говорить невероятно приятные для женского уха вещи, и в целом быть невероятно притягательным! Его слова были прекрасны, и эти легкие неуверенные объятия тоже были прекрасны, и прекрасно было то, что Богиня не буйствует и не прогоняет его. Однако, Наяда помнила, как легко он менял маски с разными людьми, как покорял своим обаянием совершенно незнакомых женщин. Его слова, его действия – разве это не может быть очередной маской, настроенной на нее, Наяду? Несложно предположить, что Наяде не хватает признания и внимания к ней самой, так как все видят только Богиню, скрывающуюся в ней. Такому прекрасному актеру, как он, не составит труда отыграть верного пса, видящего в ней человека и готового костью лечь за этого человека... Но даже так... Пусть это все ложь и игра, но Богиня не прогнала его, и сейчас Наяда впервые за две сотни лет ощущала человеческие объятия... Когда же это было последний раз? Наверное, последней ее обнимала бабушка перед тем, как ее выбрали новым сосудом, да, кажется так. Наяда улыбнулась своим мыслям и чуть сильнее подвинулась в парню рядом, ощущая спиной тепло всего его тела, а его рука уже увереннее легла ей на плечо, а потом скользнула с плеча на талию и остановилась в районе ее живота, слегка сильнее прижимая ее к его телу. Больше Рон не двигался, только дыхание его стало чуть более частым, и Наяда счастливо заснула под звук этого дыхания.

Глава 3. Проблемы нарастают

Наяда проснулась под звуки ругани. Ее спутники уже давно встали. Дези готовила завтрак, а Рон рылся по шкафам дома, собирая в вещмешок все, что считал бы полезным.

– Зачем ты, ради всего святого, собираешь весь этот хлам?

– Я, конечно, не ожидаю, что приемники цветмета нам будут встречаться на каждом шагу, но это все же лучше, чем ничего. Или тебе нравится голодать? Местные деньги, которые у меня были, вообще-то подходят к концу, а еще только третий день!

– Хочешь сказать, я слишком потратилась на одежду, да? На это намекаешь? Шел бы на рынок сам, я и так выторговала все довольно выгодно!

– Я бы и пошел сам, но ты бы первая начала визжать, что я иду на рынок не за вещами, а чтобы цыганок соблазнять!

– Да ты!.. Ты! И так говоришь, будто не стал бы!

– С чего бы мне соблазнять цыганок или вообще кого бы то ни было? Почему ты постоянно обвиняешь меня в этом?

– Потому что ты грязный мужлан, вот почему! Я вижу, каким похабным взглядом ты смотришь на Богиню! И каким, скажи пожалуйста, образом ты ночью оказался рядом с ней? По любому же в твоих грязных планах было полапать ее, когда она заснет!

«О, может, она и не настолько уж не права в этом!» – Мысленно усмехнулась Наяда, вспоминая теплые объятия и частое дыхание парня.

– У меня нет и не было никаких грязных намерений в отношении Наяды, а вот у тебя в отношении меня, похоже, есть! О, а чего это мы скривились? Что, не нравится? Не нравится, когда с тобой так разговаривают? Тупая курица, пользующаяся моей вынужденной вежливостью, пытающаяся залезть мне в штаны! Нравится такой стиль общения, да? Коза тупорылая!

– Ммм, такой личности у тебя я еще не видела! – Улыбнулась подошедшая Наяда, парень тут же побледнел, отшатнулся и замолк.

– Ха-ха, так тебе и надо! Ты для своей Богини омерзительен! Так-то!

– А ты тоже не слишком радуйся, ты омерзительна для своего парня! – Похлопала Наяда Дези по плечу.

– Он не мой парень!..

– Я не ее парень!

– Итак, а теперь, когда мы, наконец, все друг для друга омерзительны, – продолжила Наяда с улыбкой, игнорируя слова спутников, – мы, наконец, можем составить свой ужасно омерзительный план на сегодняшний омерзительный день?

Рон и Дези перестали скандалить и с хмурым видом сели завтракать. Наяда от завтрака снова отказалась, несмотря на тяжелый осуждающий взгляд парня.

– Тогда я тоже не собираюсь есть, если вы будете продолжать отказываться! – Объявил он, отодвигая от себя тарелку.

– Ты опять подмазываешься к Богине да? – Пробурчала Дези.

– Рон, прекрати пожалуйста усложнять. Я буду делать то, что считаю нужным.

– Я тоже буду делать то, что считаю нужным. – Проворчал он, убирая в пакет свой и ее завтрак и складывая еду с собой.

Еще два дня они жили в том же темпе: ловили машины, ехали, Рон договаривался и весело беседовал с водителями, когда они оставались наедине, Рон и Дези ругались, снова ехали, снова слушали болтовню Рона с водителями, снова ругались... На второй день Рон нашел прием цветного металла и сдал туда хлам, сворованный из первого и второго дома, в который они залезли, благодаря чему у них было теперь немного больше денег. Однако, уже был выходной день, хорошая погода, люди поехали в свои загородные дома, и было маловероятно, что они найдут пустующий дом, и смогут залезть в него незаметно для соседей, а если они попадут в полицию, их личность легко будет раскрыть. В конечном итоге, они остановились в придорожном хостеле: плюсом было то, что крошечные комнатки были трехместные, и то, что при заселении не просили документов. Три узкие короткие кровати стояли буквой «П», так что изголовье двух кроватей упиралось в бок третьей, оставляя между ними небольшой проход. На тонкие матрасы в резиновых чехлах было кинута по две серые застиранные простыни, наволочке, драному одеялу и какому-то подобию подушки. Больше ничего в комнатке не было, не считая крючков на двери, а стены были настолько тонкие, что прекрасно было слышно, как в другой комнате скрипели резиновые чехлы матрасов, когда на них ложились люди. Деревянное здание общественного туалета на улице, и на улице же – летний душ за отдельную плату.

– Я не собираюсь всю ночь нюхать твои ноги! – Тут же объявила Дези Рону, стоило ей увидеть положение кроватей.

– Какое совпадение, а я не собирался нюхать твои! Так что методом исключения, у окна должна лечь Наяда. – Парировал Рон.

Наяда лишь вздохнула, изрядно устав от их склок за эти дни. «Можно лечь головой к двери, и тогда никто ничьи ноги нюхать не будет...» – только и подумала она. Но зря она надеялась, что конфликт исчерпан: теперь они продолжили спорить, кто на какой кровати ляжет. И если бы все было так просто! На тот вариант, что Рон будет рядом с головой Наяды, Дези заявляла, что он хочет на нее пялиться всю ночь, а на вариант, что он будет рядом с ногами Наяды, она заявляла, что он планирует ночью заглядывать ей под юбку.

– Прекратите ради бога! – Взмолилась, наконец, жрица. – Ложитесь оба головой от меня, так никто ни на кого не будет пялиться, вопрос решен!

Чего только не пробовала Наяда за эти два дня, чтобы погасить непрекращающийся конфликт своих спутников, но он только нарастал. Она пробовала и переводить в шутку, и успокаивать их, и уговаривать, и угрожать, и не замечать.... Рон будто назло все время оказывал явные знаки внимания Наяде, от чего Дези все больше злилась, а Рон все реже терпел и все чаще огрызался на нее. Единственное, что могла сделать Наяда в этой ситуации, чтобы хоть немного остановить этот хаос, это максимально держать дистанцию с Роном, отказываться от его помощи, игнорировать знаки внимания и максимально держаться на стороне Дези. Она изо всех сил пыталась показать девушке, что она не претендует на этого парня, и не является ее соперницей, но это совершенно не помогало. Чувство голода и жажды сводило с ума, но теперь уже не мешало спать, так как Наяда из-за слабости постоянно проваливалась в странное состояние на грани сна и потери сознания. И все же, она продолжала упорно отказываться от еды, оставляя все спутникам. Богиня пока не считала ее состояние сколь бы то ни было интересным, и не лечила ее, сколько бы Наяда не сжимала теплую рукоятку меча. И меч... Он был таким тяжелым... Губы потрескались и во рту пересохло от постоянной жажды, ноги заплетались, и Наяда постоянно падала, и это было не хорошо. Дело даже не в том, что она падала, а в том, что ее подхватывал Рон. Наяде было приятно его внимание, и его прикосновения, но это вызывало новую волну ругани от Дези. Вот и сейчас...

– Наяда, ешьте, или я, честное слово, накормлю вас силой.

– О, тебя хлебом не корми, дай только сделать с Богиней что-нибудь силой! – Заметила Дези.

Наяда только вздохнула, и, собрав всю силу воли в кулак, все-таки отодвинула от себя еду и молча вышла из хостела на пыльный двор, где стояли большие тяжелые грузовики. Почему Богиня продолжает спать, когда уже она проснется и подлатает ее? Такими темпами ей и правда придется начать тратить еду и на себя тоже.

– Наяда, почему вы отказываетесь? – Появившийся вскоре Рон перегородил ей дорогу, и сделал это так резко, что у голодной Наяды закружилась голова. – Мы не умираем голодной смертью, чтобы выбирать, кому еда нужнее! Я добуду столько еды, сколько нужно, чтобы прокормить всех! Я – ваш гвардеец, я – Охранник секты, я здесь, чтобы защищать вас от всего! Почему вы отказываетесь от моей помощи? Я ведь вижу, что помощь вам нужна! И она нужна именно вам, а не Богине!

– Пожалуйста... Я не хочу быть ни орудием мести, ни предметом из коллекции Дон Жуана... – Устала вздохнула Наяда, тяжело облакачиваясь на стену.

– Дон Жуана? – Рон отпрянул почти испуганно. – Вы поверили ее словам, да? Почему вы поверили ее словам про меня! Разве я чем-то заслужил это? Пожалуйста, не надо!

Наяда прикрыла усталые глаза, упираясь спиной в стену. С Наядой он, безусловно, был самым заботливым и внимательным молодым человеком, способным тронуть даже каменное сердце, но она видела, как он легко преображался с разными людьми, меняя личности как перчатки, и где гарантия, что с ней он – это он настоящий? Когда-то в какой-то книге Наяда прочитала, что, чтобы узнать больше о парне, нужно посмотреть, как он ведет себя со своими бывшими, потому что тебя, скорее всего, это тоже потом ждет. Так же ли он был внимателен и нежен с Дези, когда она приезжала в секту с продуктовым грузовиком, когда он завоевывал

ее сердце? И как холодно и отстраненно он ведет себя с ней теперь. Утомила, надоела, разлюбила... Да, ее поведение сводило с ума, но он, так хорошо разбирающийся в людях, не может не видеть, какой эффект на нее оказывают его неприкрытые знаки внимания, оказываемые жрице. Значит, делает это специально, сознательно пытается причинить ей боль, либо даже мстит ей за что-то. Наяда высказалась, видя ситуацию именно в таком свете, и совсем не ожидала увидеть у него такое выражение лица: выражение глубокой обиды быстро сменилось выражением паники и отчаяния, как будто бы его сейчас лишали самого важного на свете, а он не мог ничего с этим поделать.

За три дня движения, они проехали почти восемьсот километров в сторону Тауруна, и чувствовали себя сейчас немного в большей безопасности, планируя уже через два дня пересечь границу, поэтому ни Рон ни Дези сильно не беспокоились из-за того, что еды и денег у них осталось мало, но Наяда смотрела на это по-другому: просто из опыта она знала, что ничто никогда не идет так, как было запланировано, поэтому продолжала экономить на себе. Жрица почувствовала слабость в ногах, а головокружение только усилилось, так что она с трудом удержалась на ногах даже опираясь о стену.

– Ладно. Неважно. Считайте меня хоть чертом морским, если вам так больше нравится. – Сказал Рон глухим голосом. – Но я пообещал, что накормлю и напою вас, даже если это придется делать силой. Даже если это будет стоить мне жизни. Можете убить меня, но только после того, как поедите.

Парень и вправду начал засовывать Наяде в рот пирожок. Жрица широко распахнула глаза, плотно сжала зубы и начала отталкивать его, однако тот не сдавался. Теперь он уже пытался влить ей в рот сок, горлышко бутылки разбило ей губы при борьбе, но сладкий напиток попадал в рот даже сквозь сжатые зубы, хотя большая часть сока и лилась по подбородку и пропитывала одежду. Наяда была в абсолютном шоке от его поведения, но побоялась, что если закричит, то привлечет к себе лишнее внимание, случайные соседи по хостелу могли даже вызвать полицию, а это было бы катастрофой. Поэтому она отбивалась от него в полной тишине, но она была слабой девушкой, которая еще и ослабла от голода и жажды, а он крепким мужчиной, поэтому расклад был не в ее пользу. Когда сока почти не осталось, он вылил остатки себе в рот, и, навалившись на нее начал силой открывать ей рот и снова пытаться затолкать туда кусок пирога. Никто никогда так не обращался с Наядой. Да, о потребностях ее тела регулярно забывали, но никто никогда не обращался с этим телом столь неуважительно, все всегда помнили, что это – сосуд души Богини. Этот парень совсем страх потерял, или просто не верит в гнев Богини? И почему вообще Богиня продолжает спать и позволяет ему так обращаться с этим телом? Наяда попыталась выплюнуть кусок пирога, засунутый ей в рот, одновременно пытаясь оттолкнуть парня свободной рукой, которую он не прижал. Нет, она очень сильно хотела есть, но возмущение его поведением было сильнее. Парень схватил ее свободную руку другой рукой, и прижался губами к ее губам, вливая ей в рот сок, который он только что набрал. Жрица попыталась увернуться от него, но совершенно ничего не могла сделать. Когда он влил сок ей в рот, он оторвался от ее губ и зажал ей рот рукой, крепко прижимая ее голову к стене так, что она не имела никакой возможности выплюнуть, и держал ее в таком положении, пока она не смирилась и не проглотила еду.

– Все. Вот теперь можете звать свою Богиню, чтобы она покарала меня. – Он отпустил Наяду так же неожиданно, как схватил, и упал перед ней на колени, ударив лбом в землю.

Наяда была совершенно вымотана этой борьбой, но все же ему удалось затолкать в нее кусок пирога и глоток сока, сухости во рту теперь не было, мысли чуть прояснились, а голод скрутил ее с новой силой, напоминая, что кусок пирога за двое суток – это слишком мало.

– Да как ты посмел! Это – тело Богини! Как ты смеешь так неуважительно обращаться с ним! – Наконец, выговорила она. Губы были разбиты, на запястье после его хватки растекался синяк. А это? Интересно, можно ли это считать поцелуем? Богиня никогда не позволяла Наяде

познать поцелуй, так что это было первое прикосновение чужих губ к ее губам, но, черт возьми, это прикосновение не было ни нежным, ни приятным, как о поцелуе писали в книгах.

– Наяда, а вы не думали, что Богиня не может быть активна, будучи так далеко от своих земель? – Спросил Рон, поднимая голову, но все еще сидя перед ней на коленях. – У вас натерты ноги, обгорело лицо, потрескались губы, синяки на коленях, вы еле стоите на ногах от голода и жажды, но где же Богиня? Почему она не спешит лечить вас так, как спешила в первый день? Почему не являет нам свой гнев и свою милость? Может, она просто не может? Не может проснуться на землях Бога Огня, а вы, надеясь на ее помощь, сейчас просто добровольно умираете? Или это и есть ваша цель – покончить с собой?

– Как ты смеешь сомневаться в силе Богини! – Неуверенно возмутилась Наяда. – Она являет свои чудеса тогда, когда хочет, и воля ее неисповедима! Если она пока что не хочет меня лечить, значит, мое состояние не настолько плохое!

– И наказывать меня за неуважение она, я так погляжу, тоже не хочет? – В глазах парня блеснула злость. – Я здесь, чтобы защитить вас, Наяда, даже если защищать вас придется от вас самой. Если не хотите, чтобы я кормил вас силой, то умоляю, поешьте. Можете казнить меня, я не буду сопротивляться, но пока я жив, я буду защищать вас любой ценой.

– Ты просто невыносим! – Наяда со всей силы влепила парню пощечину. Потом еще и еще. Она била его, пока не заболели ладони, но он покорно сидел перед ней на коленях.

– Ну а теперь вы пойдете есть, или мне продолжить кормить вас? – Упрямо заявил парень, когда она совершенно выбилась из сил и перестала его бить по лицу. Щеки его были все красные от ударов, нижняя губа в одном месте кровоточила, будучи разбитой о зубы, но он так же упрямо смотрел на нее снизу вверх.

– Да! Пойду! – Зло бросила Наяда, толкнув его. – Ну как, поганец, исполнились все твои сокровенные желания от прикосновения губ Богини, а?

– Еще не все. – Невозмутимо ответил Рон.

Наяда фыркнула и ушла. В его словах был смысл: может, Богиня просто не могла вылечить ее, не могла проснуться, а Наяда просто бессмысленно убивала себя, надеясь на ее помощь? Эта мысль невероятно злила жрицу, и она все-таки отправилась в комнату и съела все, что было разложено на кровати Рона, которая служила им импровизированным столом: и свою порцию, и порцию Рона, и остатки порции Дези. Дези лежала на своей кровати и то ли спала, то ли была без сознания. Неужели этот солдат, прежде чем пойти кормить Наяду, вырубил Дези, чтобы та не помешала? Вполне мог. В сложившейся ситуации жрицу больше всего злило то, что она, которая пробыла с Богиней больше двухсот лет, даже не предположила такой вероятности, что Богиня впала в спячку и теперь не с ними, а этот парень, который в гвардии без году неделя, все заметил и понял. Съев все, Наяда налила себе чай из чайника, стоящего на полу у кровати, и, сердясь, пила чашку за чашкой. Местный чай отдавал какой-то неприятной химической горечью, и она слишком поздно поняла, что это совсем не нормально. Откуда этот чай? Они разве заваривали чай? Она попыталась встать, но головокружение стало невыносимым, ноги подогнулись, и она рухнула на кровать.

Глава 4. В логове врага

Наяда очнулась прикованной к каменному ложу, стоящему то ли на сцене, то ли просто в середине какого-то круглого зала. Вокруг были расположенные амфитеатром трибуны, на которых галдели люди. Огненные фонтаны пускали искры в высокий потолок. Руки и ноги были прочно прикованы, и все, что Наяда могла – это повернуть голову и осмотреть происходящее все еще мутным взглядом. Кто-то еще был прикован с ней рядом, кажется, маленький мальчик. Он что-то кричал... Наяда попыталась сосредоточиться на зрении и слухе и понять происходящее. Перед каменным ложем, лицом к зрителям, расхаживал старик в сером балахоне, с длинной бородой и с тяжелой цепью необычного плетения на шее. Даже глядя на ста-

рика сзади затуманенным взором, Наяда поняла: Секта Грома. Тайная секта, расположенная на территории государства Намис, которую никак не удавалось найти и полностью уничтожить. Они, как предполагалось, передавали внутри себя душу Бога Грома, но суть секты была не такой, как у Секты Воды.

– Мы собрались здесь в этот знаменательный день, чтобы воздать дань Пантеону, и, наконец-то, наказать предателей так, как они того заслуживают! – Нараспев читал старик перед каменным ложем. – Когда-то давно, многие тысячи лет назад Бог Грома предал Пантеон, из-за чего боги потеряли свои тела. Богиня Воды не остановила предателя, тем самым тоже предав Пантеон. Люди государства Намис в своем слепом безумии полагают, что богиня осталась в стороне из-за сострадания ко всему живому, но все иначе! Предательство – суть предательство, и бездействие – суть предательство, и их вина вечна и во веки веков! Тела богов распались на кусочки, а души с тех пор вынуждены искать себе сосуды, и наказание предателей не должно никогда заканчиваться! Так поможем же предателям страдать вовеки веков, снова и снова познавая чувство, когда тело распадается на куски!

Ах, ну да, конечно. В секте Грома считалось, что душа Бога Грома передается их потомкам, и что Бог Грома выбирает своим сосудом кого-то из их первенцев. Поэтому первых детей в семье растили только до тех пор, пока последователи культа с помощью различных ритуалов не решали, будто душа Бога Грома выбрала этого ребенка. После чего ребенка начинали пытать, пока он не умирал. Они надеялись, что от этого душа Бога Грома испытывает такие же страдания. А после смерти ребенка сразу же начинали выяснять, в кого теперь она переселилась. Безумные фанатики... Это же были их дети, но последователи Секты Грома, наоборот, старались начать рожать детей как можно раньше, чтобы как можно быстрее предоставить секте первенца, возможного кандидата на следующую серию пыток. А еще они постоянно пытались выкрасть Богиню Воды, желая запытать до смерти и ее. Что за глупость... Наяда понимала, что если душа Бога Грома и жива, то она либо помешала бы сектантам портить свой сосуд, либо сразу бы переселялась в следующее тело. Наивно было бы полагать, что люди смогли поймать в ловушку бога. Последователи Секты Грома же так не считали. Они считали себя хорошими людьми, просто замечательными, ведь они, видите ли, восстанавливали справедливость, подвергая душу предателя вечны мукам...

– Нет, дедушка, не надо! Душа Грома не во мне, я клянусь тебе, дедушка, во мне нет ее, я не чувствую никакой души Грома, она в ком-то другом, дедушка, поверь мне! – Плакал мальчик рядом с ней, что-то знакомое было в его лице... Конечно же, он врал. Даже отсюда Наяда прекрасно видела, как его глаза чуть искрились золотыми всполохами, каких не бывает у обычного человека. «Значит, душа Бога Грома все-таки жива?» – Мысленно удивилась Наяда. Разве такое возможно? Из всего того, что она знала про сражение Пантеона и Ада на основе воспоминаний Богини, у нее четко сложилось осознание, что душа Бога Грома никогда больше не сможет очнуться.

– Предательница, когда-то равнодушно смотревшая на гибель богов, теперь будет вынуждена смотреть на страдания своего сообщника! – Взревел старик и начал пытку.

Наяда зажмурилась, пытаясь воззвать к душе Богини, но та продолжала дремать. Жрица не хотела видеть, что старик делает с ребенком, но никуда не могла деться от звуков ударов, хруста костей, душераздирающих криков мальчишки и теплых брызг, падающих ей на лицо, плечо и руку с каждым ударом. А вокруг ликовали люди, входя в раж. «Пожалуйста, Богиня! Пусть со мной нет сейчас твоего Меча, но ты должна меня услышать! Разве ты не видишь, что они творят? Это же Секта Грома! Грома! Слышишь?» – Мысленно взмолилась Наяда, все сильнее зажмуриваясь. Она наугад потянула руку в сторону мальчишки, и лишь концом одного пальца задела его руку, но в этот момент мир замолк. Наяда открыла глаза, чувствуя, как свинцово-черная вода начинает вытекать потоком из ее рта, и то же самое происходило со всеми, кто ее окружал. Как больно жжет легкие от этой воды! Наяда тысячи раз испытывала на себе

гнев Богини, и он продолжал быть все так же невыносим. Она знала, что ей Богиня не даст умереть до конца, но других людей это не касалось. Люди корчились на трибунах, пытаясь избавиться от воды, наполнявшей их, но она все продолжала течь из их ртов, у каменного ложа корчился старик.

– Как вы посмели, жалкие людишки? И ты, как ТЫ допустил? Я всегда буду ненавидеть тебя, Танер! – голос богини исходил изо рта Наяды вместе с потоками темной воды, Наяда все так же не могла сделать ни вдоха, и сознание начало уже ее покидать. Как же больно!

Наяда повернула голову в сторону мальчишки. Он, видимо, смог выдернуть руку из тисков, когда ему переломали пальцы, и поэтому смог дотянуться до руки жрицы в тот момент. Изможденное, изувеченное переломанное тело и яркие глаза со всполохами искр. Почти теряя сознание, она успела увидеть, как от ее прикосновения его кости встают на место, а раны затягиваются: Богиня была верна себе, и даже будучи в гневе, лечила. Какое знакомое лицо у этого мальчишки... Кто это? Где она могла его видеть?

– Наяда, ешьте, или я, честное слово, накормлю вас силой. – Сказал ребенок, глядя на нее с хитрым прищуром, и в этот момент Наяда очнулась.

В этот раз Наяда уже не была прикована к каменному ложу, но все равно была прикована. В этот раз она была прикована к стене. Она оперлась на ноги и поднялась, ощущая неприятную боль в запястьях. Видимо, она долго висела так на этих кандалах. Щиколотки тоже были плотно приделаны к стене, но на ногах хотя бы можно было стоять. Какой-то подвал или темница, запах сырости, тяжелая, обитая металлом дверь... Что за ерунда, где это она?

– Слава богу, вы наконец-то очнулись! Я кричала вам, кричала!..

Справа от Наяды была прикована Дези, Рона нигде не было. Ну вот, ее опять похитили. Сколько раз это уже происходило? Охранника, наверное, как водится, убили... Наяде почувствовала горечь: только минуту назад во сне она видела этого ребенка с удивительными глазами, она до сих пор ощущала, как тепло силы Богини течет по руке, исцеляя этого умирающего мальчишку. И вот опять... Ей все же не удалось спасти его, его все равно убили, убили из-за того, что он остался рядом с ней, а не пошел в детский дом вместе со всеми детьми-первенцами Секты Грома, спасенными из того жуткого места, в котором они выросли... Словно отвечая на ее мысли, дверь камеры открылась, и двое мужчин вбросили внутрь безжизненное тело.

– Рон!.. – В ужасе вскрикнула Дези.

– О, дамы, вы, наконец, проснулись! – Недобро улыбнулся один из мужчин. – От вашего товарища нам не удалось получить никакой полезной информации, так что теперь продолжим разговаривать с вами.

– А которая из них – богиня? – Спросил второй.

– Та, что пониже, меч был у нее.

– Но вторая ведь красивее?

– И что?

– Разве богиня не выбирает самую красивую девчонку?

– Господи ты боже мой, ну так иди проверь! У богини между грудей татуировка Намиса должна быть.

– Я чего-то боюсь проверять, вдруг богиня разозлится?

– Она злится, только если ее трогают руками, а у тебя есть нож, что ты как маленький! Дамы, кто из вас богиня, а?

– А с какой целью интересуетесь? – Презрительно выплюнула Наяда, Дези только тихо рыдала и ничего не ответила.

Похититель с ножом подошел к Дези и быстро разрезал одежду у нее на груди, не касаясь руками.

– Богиня, пожалуйста, спасите нас! – Взмолилась Дези.

– У этой татуировки нет! – Констатировал похититель.

– Я же говорил, что богиня – мелкая. Со второй можешь делать что хочешь, это гнева богини не вызовет, вытяни из нее информацию хоть какую-то, неважно как, а я поговорю с богиней.

– А у мелкой есть татуировка? Что-то она не больно-то красива для богини. – С сомнением ответил второй и разрезал одежду на груди у Наяды, конечно, татуировка была.

Наяда закрыла глаза и попробовала достучаться до души Богини, но все было тщетно. «И откуда эти двое так много знают о привычках и культе Богини Воды? Даже не трогают руками» – подумала Наяда, вглядываясь в лица похитителей. Нет, она их не знала. Она помнила каждое лицо, встречавшееся ей на пути, но эти двое были ей не знакомы. Значит, кто-то сообщил им информацию... Почему вообще их поймали? Они слишком расслабились, уехав за восемьсот километров от места взрыва, и постоянно громко шумели. Что, если в хостеле был кто-то из местной полиции и военных? Или администрация хостела, принимающего посетителей без документов, была информатором? Какие тонкие были там стены, а они свободно говорили и спорили о Богине, как будто были не во вражеском государстве, а у себя дома. Как глупо! Душа Богини в ней, суперсилы у нее, а она не смогла защитить своих спутников. Конфликт из-за симпатии Дези к Рону, конфликт из-за отказов Наяды от еды... Их маленькое путешествие было обречено на провал!

– Ну что, богиня? – Острый конец ножа уперся ей в грудь, прямо в центр татуировки. – Будешь теперь работать на нас. Будешь паинькой, и никто не умрет.

– На кого это – «на вас»? – Усмехнулась Наяда, вскинув голову.

– А вот это тебе знать не обязательно. Будешь выполнять свою работу и тогда все будет нормально. Ты же не хочешь, чтобы мой друг испортил личико твоей подруге?

– Богиня, пожалуйста, накажите их! – Заплакала Дези.

– И какая же она, моя работа? – Наяда окинула мужчину презрительным взглядом.

«Тварь. Тварь. Тварь. Я выясню, кто из вас двоих убил Рона и убью его. Тварь. Тварь. Тварь.» – крутилось в голове у Наяды, а гнев и горечь все нарастали. В какой-то момент она почувствовала, как ее гнев и ярость сливается с гневом и яростью Намис. Богиня проснулась, она не спала. Кто знает, почему до этого она спала и почему только сейчас проснулась, но ее ярость нарастала булькающей водой в легких. Мужчина еще что-то говорил, когда свинцово-темная вода полилась изо рта Наяды, а ее легкие начало нестерпимо жечь. В маленькой камере раздался холодный нечеловеческий голос, исходивший из глубины легких, наполненных темной водой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.